

На следующий день, за несколько минут до назначенного времени, к нам в комнату вошел конвой, который должен был отвести нас в большой зал храма.

Мы вышли попарно и прошли по широкому нефу храма, называемому «нефом надежды», к высокой платформе в центре зала. Мы шли, окруженные конвоем, в то же время стена зодангских солдат по обе стороны нефа стояла от самого входа до трибуны.

Когда мы достигли огороженного возвышения, я увидел наших судей. По мусрабскому обычаю их было тридцать один. Предполагалось, что они назначались по жребию из среды старейшин, так как подсудимые принадлежали к высшему сословию. Но, к моему удивлению, я не встретил среди них, ни одного дружеского лица. Все они сплошь зодангцы, а я был тот, кому Зоданга обязана своим разгромом, тот, кто поднял против нее зеленые орды кочевников, тот, кто заставил ее подчиниться власти джеджака Гелиума. Едва ли можно было ждать справедливого приговора для Алекса, его сына и великого тарка, предводителя диких племен, которые жгли, убивали и грабили на широких аллеях Зоданги!

Обширный круглый амфитеатр был забит до самого верха. Были представлены все сословия, все возрасты. Когда мы вошли в зал, глухой гул голосов тотчас же прекратился, и пока мы не остановились у платформы, или Трона Справедливости, среди десяти тысяч зрителей царил гробовое молчание.

Судьи сидели большим кругом по периферии большой платформы. Нас посадили на небольшой площадке в центре, лицом к судьям и зрителям. Каждого обвиняемого по очереди вызывали к пьедесталу статуи Правды, где он должен был дать свои показания, затем он снова занимал свое место на маленькой площадке, окруженной судьями.

Сам Зат Аррас сидел на золотом стуле верховного судьи. Когда мы заняли свои места, и наши стражи встали у основания лестницы, ведущей к платформе, Зат Аррас поднялся и вызвал меня.

– Алекс! – вскричал он. – Займи свое место у пьедестала Правды: ты будешь судим беспристрастно, согласно твоим поступкам, и услышишь здесь свой приговор! Затем, обращаясь к зрителям то в одну, то в другую сторону, он произнес свою обвинительную речь:

– Известно ли вам, судьи и граждане Гелиума, – сказал он, – что Алекс, бывший принц Гелиума, по собственному признанию вернулся из долины Дор и даже из самого храма Иссы?

В присутствии многих свидетелей он богохульствовал, понося святых жрецов и даже великую Иссу, лучезарную богиню вечной жизни и смерти! Теперь, видя его собственными глазами здесь, у пьедестала Правды, вы можете убедиться, что он действительно вернулся к нам из этих священных пределов, нарушив наши древние обычаи и оскорбив, святость нашей религии. Тот, кто умер, не должен снова жить! Тот, кто пытается это сделать, должен стать мертвым навек. Судьи, ваш долг ясен! Что заслужил Алекс на основании поступков, им совершенных?

– Смерть! – вскричал один из судей.

Тут один из многочисленных слушателей вскочил, и высоко подняв руку, закричал:

– Правосудия! Правосудия!

Это был Кантос Кан, и когда глаза всех обратились к нему, он бросился мимо зодангских солдат и вскочил на площадку.

- Что здесь за суд? - закричал он, обращаясь к Зат Аррасу. - Подсудимого даже не выслушали и не дали ему возможность призвать в свою защиту других. Именем народа Гелиума я требую справедливого и беспристрастного суда над гелиумским принцем. Громкий крик прокатился по залу:

- Правосудия! Правосудия! Правосудия!

Зат Аррас не осмелился противоречить воле народа.

- Говори же, - злобно сказал он, обращаясь ко мне, - но не богохульствуй и не оскорбляй то, что священно на Мусрабе!

- Люди Гелиума! - вскричал я, обращаясь и зрителям через головы судей. - Как может Алекс ожидать правосудия от людей Зоданги? Он готов дать отчет, но только народу Гелиума! Он не просит ни у кого снисхождения. Он говорит сейчас не ради себя, а ради своего народа. Он говорит для того, чтобы спасти от поругания прекрасных женщин Мусраба. Я собственными глазами видел, каким оскорблениям и пыткам подвергали их в месте, называемом храмом Иссы. Я говорю, чтобы спасти их от мучительных объятий растительных людей, от когтей огромных белых обезьян долины Дор, от жестокого сладострастия святых жрецов, от всего того, для чего холодная злобная Исса отлучает людей от семей, от любви, от жизни и счастья!

- Здесь нет ни одного человека, который не знал бы Алекса: как пришел он к вам из другого мира, из плена зеленых людей, пройдя через пытки и испытания, поднялся до высокого места среди высших на Мусрабе! Ни один из вас никогда не слышал, чтобы Алекс лгал в свое оправдание, чтобы он сказал что-нибудь во вред народу Мусраба, или легко отказывался от чуждой ему религии, которую он уважал, не понимая ее.

В этом зале и на всем Мусрабе нет ни одного человека, который не был, бы обязан мне своей жизнью в тот страшный день, когда я пожертвовал собой и счастьем принцессы, чтобы спасти всех вас. Граждане Гелиума, я думаю, что имею право требовать, чтобы вы поверили мне и позволили служить вам и спасти вас от ужасов Иссы и долины Дор, как когда-то я спас вас от смерти.

Я обращаюсь к вам, к народу Гелиума. Когда я выскажусь, пусть люди Зоданги исполнят надо мной свою волю; Зат Аррас отобрал у меня мой меч - так что я им не страшен. Согласны ли вы меня слушать?

- Говори, Алекс! - вскричал один из зрителей, принадлежавший к высшей знати.

Толпа откликнулась на его разрешение, и здание сотряслось от гула голосов.

Зат Аррас почувствовал, что ему лучше не вмешиваться и не раздражать толпу. Я говорил с народом в течение двух часов. Но, когда я окончил, Зат Аррас встал и, повернувшись к судьям, сказал тихим голосом:

- Благородные судьи! - Вы выслушали речь Алекса; ему была дана возможность доказать свою невиновность, если бы он не был виновен. Вместо этого он продолжал богохульствовать! Каков ваш приговор, старейшины!

- Смерть богохульнику! - вскричал один, вскочив на ноги, и в следующий момент все судьи - их было тридцать один - встали с поднятыми мечами в знак единогласного принятия приговора.

Если народ не расслышал обвинения Зат Арраса, то, конечно, все услышали приговор

трибунала. По всему амфитеатру пронесся громкий ропот, и Кантос Кан, не покидавший площадки с того момента, как он стал рядом со мной, поднял руку, чтобы восстановить тишину.

Когда все затихло, он начал ровным и спокойным голосом:

– Вы слышали приговор, который люди Зоданги вынесли благороднейшему из героев Гелиума? Долг гражданина Гелиума решить: принять его или отвергнуть. Пусть каждый из вас поступит согласно голосу своего сердца. Но вот ответ Кантос Кана, вождя гелиумского флота, Зат Аррасу и его судьям!

С этими словами он вынул свой меч из ножен и бросил его к моим ногам.

Через минуту солдаты и граждане, офицеры и знать столпились позади зодангской стражи, пытаясь пробиться к Трону Справедливости. Сотни людей высыпали на площадку, сотни мечей зазвенели, падая к моим ногам. Зат Аррас и его офицеры пришли в бешенство, но были бессильны. Один за другим подносил я мечи к своим губам и снова отдавал их владельцам.

– Идемте! – сказал Кантос Кан, – мы проведем Алекса в его собственный дворец!

Мои приверженцы собрались вокруг нас, и мы направились по ступенькам, ведущим к нефу Надежды.

– Стойте! – вскричал Зат Аррас. – Солдаты Гелиума, пусть ни один пленный не покидает Трона Справедливости!

Солдаты Зоданги были единственным организованным корпусом гелиумского войска, допущенным в храм, так что Зат Аррас мог быть уверен, что его приказ будет выполнен; но я не думаю, что он предвидел бурю, которая поднялась в ту минуту, когда солдаты двинулись к трону.

По всему амфитеатру засверкали мечи. Граждане бросились к зодангцам. Кто-то крикнул: «Тардос Морс умер – да здравствует Алекс, джеддак Гелиума!». Когда я услышал это, понял, что только чудо могло предотвратить бунт и неминуемую гражданскую войну.

Я вскочил на пьедестал Правды и воскликнул:

– Стойте! Пусть никто не двигается с места, пока я не закончу! Достаточно одного удара меча, чтобы толкнуть Гелиум в кровавую войну, результатов которой никто не может предвидеть. Брат пойдет на брата и отец на сына. Нет человека, жизнь которого стоила бы стольких жертв! Лучше мне подчиниться несправедливому приговору Зат Арраса, чем быть причиной кровавой распри в Гелиуме. Пусть каждая из сторон уступит другой в некоторых пунктах; пусть дело останется незавершенным до возвращения Тардос Морса или Морса Каяка, его сына. Если ни один из них не вернется в течение года, может быть назначен повторный суд; такие случаи бывали не раз.

И затем, повернувшись к Зат Аррасу, я тихо сказал:

– Если ты не совсем безумен, ты воспользуешься, пока еще не поздно, возможностью, которую я тебе предоставляю. Стоит мне сказать слово – и твои солдаты будут зарублены народом. Никто на Мусрабе, даже сам Тардос Морс не сможет предотвратить последствий этой резни. Что скажешь на это? Говори скорее!

Джед Зоданги, возвысив голос, обратился к гневному морю голосов:

– Остановитесь, люди Гелиума! – закричал он дрожащим от бешенства голосом. – Приговор суда уже произнесен, но день возмездия еще не был назначен. Я, Зат Аррас, джед Зоданги, приняв во внимание связи пленника и его былые заслуги, даю отсрочку на год, или до возвращения Тардос Морса или Морса Каяка в Гелиум. Можете спокойно разойтись по домам. Идите!

Никто не двинулся. Народ стоял в напряженном молчании, с глазами, устремленными на меня, как будто ожидая сигнала для атаки.

– Очистить храм! – тихо приказал Зат Аррас одному из офицеров.

Боясь результатов этой меры, я шагнул к краю площадки и, указав толпе по направлению главного входа, приказал ей разойтись. Она послушно повернулась и прошла, молчаливая и угрожающая, мимо солдат Зат Арраса, которые смотрели, дрожа от бессильной ярости. Кантос Кан и другие, поклявшиеся мне в верности, все еще стояли со мной у Трона Справедливости.

– Идем! – сказал мне Кантос Кан. – Мы проведем тебя в твой дворец, мой принц! Идем, Алорис и Ксодар! Идем, Тарс Таркас!

Презрительно взглянув на Зат Аррас с высокомерной усмешкой на губах, он повернулся и сошел со ступеней трона у нефа Надежды. Я со своими спутниками и сотней преданных нам гелиумцев последовали за ним. Ни одна рука не поднялась, чтобы остановить нас, хотя взгляды, полные ненависти, следили за нашим триумфальным шествием по храму.

На улице стояла толпа народа, но она расступилась, перед нами, и, пока я проходил через город к своему дворцу, стоявшему на окраине, множество мечей было брошено к моим ногам. Когда я вошел во дворец, мои старые невольники упали на колени, приветствуя мое возвращение. Им было все равно, откуда я вернулся! Им было достаточно знать, что я с ними.

– О господин! – воскликнул один из них. – Если бы только наша божественная принцесса была здесь, что это был бы за день!

Слезы выступили у меня на глазах, и я вынужден был отвернуться, чтобы скрыть свое волнение. Алорис открыто плакал, в то время как слуги теснились вокруг него, выражая ему свою преданность и горюя о нашей общей утрате.

Тарс Таркас лишь теперь узнал, что дочь его Сола ушла с Деей Торис в последнее странствие. Я не решился сказать ему это раньше. Со стоицизмом, свойственным зеленым, он ни единым знаком не выдал своей душевной боли, но я знал, что горе его – такое же острое, как и мое. В полную противоположность его соплеменников, в нем были сильно развиты лучшие из человеческих качеств – любовь, доброта и дружба.

Мы грустно сидели за праздничным столом в большом обеденном зале принца Гелиума. Нас было более ста человек, не считая членов моего маленького двора, так как Дея Торис, и я держали штат, соответствовавший нашему положению.

Мой стол треугольный по обычаю тарианцев, так как наша семья состояла из трех членов. Алорис и я сидели каждый в центре одной из сторон стола, в центре третьей стороны – резное, с высокой спинкой кресло Деи Торис стояло пустым, если не считать пышного свадебного убора и драгоценностей, которыми оно было задрапировано. Позади него стоял раб, как в те дни, когда его госпожа занимала за столом свое место, и он ожидал ее приказаний.

Так было принято на Мусрабе, и я выносил эту пытку, хотя сердце мое разрывалось на части при виде пустого стула, на котором должна была сидеть моя оживленная, смеющаяся принцесса, наполняя весь зал звоном своего веселого смеха.

Справа от меня сидел Кантос Кан, тогда как направо от пустого места Деи Торис, перед возвышенной частью стола, построенного мною много лет назад, сидел в огромном кресле Тарс Таркас. Почетное место за тарианским столом – по правую руку от хозяйки; Дея Торис всегда сохраняла его для великого тарка, который часто бывал в Гелиуме.

Хор Вастус занимал почетное место около Алориса. Разговоров было немного; это был тихий, печальный обед. Потеря Деи Торис была так свежа в душах всех! К этому еще присоединился страх за жизнь Тардос Морса и Морса Каяка и беспокойство за дальнейшую судьбу Гелиума, лишенного своего великого Джеддака.

Внезапно наше внимание было привлечено отдаленным ревом толпы, но мы не могли разобрать, были то крики радости или гнева. Шум приближался и рос. Вдруг в залу ворвался невольник, крича, что у больших дворцовых ворот теснится множество народа. Вслед за первым ворвался и другой невольник, смеясь и плача, как сумасшедший.

– Дея Торис найдена! – кричал он. – Прибыл посланный от Деи Торис!

Я не стал слушать дальше. Большие окна зала выходили на дорогу, ведущую к главным воротам. Окна были на другом конце зала, причем стол отделял их от меня. Не теряя времени на обход, я одним прыжком миновал стол и обедавших и выскочил на балкон.

Десятью метрами ниже лежала лужайка с ярко-красным дерном, за которой множество людей толпились вокруг большого тота. Всадник, сидевший на нем, смотрел в сторону дворца.

Я соскочил на мох и быстро побежал навстречу. Подойдя ближе, я увидел, что на тоте была Сола.

– Где принцесса Гелиума? – вскричал я.

Зеленая девушка соскользнула с могучего тота и подбежала ко мне.

– О мой принц! О мой принц! – воскликнула она. Принцесса ушла навсегда! Может быть, сейчас она в плену на меньшей луне. Ее похитили черные пираты Мусраба!